

СОБОР СПАСО-МИРОЖСКОГО МОНАСТЫРЯ: ИКОНОГРАФИЯ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТИПА

Вопросы типологии и иконографии внутреннего пространства древнерусских храмов исследованы пока еще очень слабо. Этот очерк может рассматриваться как продолжение работы, проделанной автором в изучении иконографии интерьеров новгородских храмов¹. Кажется необыкновенно важным обратить внимание специалистов на возможность исследования иконографии внутреннего пространства вкупе с объемной и плановой типологией. Для этого средневековую восточно-христианскую культовую архитектуру следует рассматривать как оболочку, равно работающую на внешнюю среду и на образование особого внутреннего мира памятника. Заключенное в интерьере храма зашифрованное пространственное знание влияет на его объемное построение так, что интерьер-экстерьер церкви можно сравнить со вздутым ветром парусом, в котором есть и сферическая легкость и ороговевшие ребра жесткости, связующие и прошивающие его тяги и одеревеневшие рамные конструкции. При этом степень жесткости оболочки или ее поверхностная мягкость и округлость говорят разное и свидетельствуют о разных интуитивно-философских взглядах на пространство храма. Эта разность особенно чувствуется при сопоставлении храмов одного канонического типа, где тем же языком рассказываются совершенно несхожие истины.

Предметом настоящей работы служит иконография типа собора Спасо-Мирожского монастыря во Пскове, во многом определившая пути зодчества Северо-Западной Руси.

Каменные храмы появились во Пскове во второй четверти XII в.² и строились новгородскими мастерами. Наиболее ранним храмом был, видимо, Троицкий собор 1130-х гг. Нам представляется, что этот храм был построен самим князем Всеволодом-Гавриилом, а в конце XII в. только перестраивался³. Этот шестистолпный собор по плану и объемной композиции, вероятно, был близок к двум новгородским шестистолпным храмам, построенным также по заказу князя Всеволода-Гавриила: церквям Иоанна на Опоках 1127—1130 гг. и Успения на Торгу 1135—1144 гг. Об интерьере четырехстолпного трехапсидного храма Дмитрия⁴ (1144 г. или 1132 г.)⁵ судить трудно, скорее всего здесь были открытые хоры над западной частью храма. Шестистолпный собор Ивановского монастыря⁶ с хорами над западной частью близок к собору Антониева монастыря в Новгороде (1117—1119 гг.) и, в конечном счете, восходит к южнорусской архитектурной традиции.

Особой архитектурой отличается собор Спасо-Мирожского монастыря⁷, построенный, по мнению большинства современных ученых, греческим мастером в конце 1140-х — начале 1150-х гг.⁸ (примерно 1149—1152 гг.).

Как выяснено М. И. Мильчиком и Г. М. Штендером, камеры над западными угловыми помещениями собора были сооружены уже в процессе строительства, хотя храм был задуман с пониженными углами. С угловыми камерами собор представляет собой крестообразное в плане сооружение, с запада пространство между рукавами дополнено до прямоугольника угловыми компартиментами, над которыми расположены палатки («камеры»), достраивающие угловые компартименты до высоты рукавов креста. К прямоугольному в плане объему, включающему сдвинутое к востоку подкупольное пространство, западный, северный и южный рукава креста и угловые компартименты с «камерами», с востока примыкает укороченный восточный рукав креста, заканчивающийся абсидой. По сторонам к восточному рукаву примыкают низкие боковые абсиды. Над всеми объемами высится широкая массивная глава. В интерьере храма над невысокими и широкими рукавами креста, перекрытыми коробовыми сводами, возвышается невысокий, но очень широкий, светлый и просторный барабан с куполом. Поддерживающие барабан пониженные подпружные арки «вырастают» из консолей. Западные угловые компартименты отделены стенами, в нижней части которых прорезаны арки, создающие форму западной пары Г-образных столбов (на самом деле — отрезков стен). Палатки полностью вычленены из интерьера, за исключением узких арочных проемов, выводящих на хоры. Восточные угловые части (абсиды) также выделены стенами с невысокими арками, они сообщаются арками и с восточным рукавом. Но они являются не восточными угловыми компартиментами, а именно абсидами, и именно они должны были первоначально уравнивать западные низкие угловые компартименты (в большинстве провинциальных храмов при выделенном пространственном кресте имеются и западные и восточные угловые компартименты, к последним, в свою очередь, примыкают абсиды, если они есть). Перед нами один из вариантов крестовокупольного храма — храм «вписанного креста» с выделенным пространственным крестом и вычлененными стенами угловыми компартиментами. Наличие внутренних стен отделяет этот памятник от других типов храмов «вписанного креста». В связи с тем, что палатки появляются спонтанно, в процессе строительства, для уяснения типа храма в Мирожском монастыре о них можно на время «забыть», как о дополнительном, усложняющем элементе композиции.

Ярко выраженная крестообразность, центричность и «купольность» (в смысле выделения купола и «втягивания» рукавов под купол и к куполу) обособляют собор Спасо-Мирожского монастыря от других памятников новгородской архитектуры и делают его уникальным по типологии, «едва ли не полнее всего воплотившим в новгородской архитектуре византийский идеал храма»⁹.

При общей убежденности в византийском происхождении Мирожского храма, мнения о его конкретных прообразах резко расходятся. Так А. И. Никрасов говорит о «перенесении образца малоазиатского храма (в частности, известного по Херсонесу) для удовлетворения новых художественных воззрений»¹⁰, Н. И. Брунов предполагает болгарское происхождение собора (возводя к Нерези и Бояне)¹¹, а Г. Алфёрова называет несколько «крестообразных» зданий, среди которых постройки разных типов в Константинополе, Грузии, Малой Азии, Греции, Армении, Болгарии и Сербии¹².

А. И. Комеч видит образцы для собора Мирожского монастыря в столичной византийской архитектуре XI—XII вв. (константинопольские церкви Георгия в Манганах, Гюль Джами и Календер Джами), где существовал крестовокупольный тип храма с внутренними стенами. Исследователь отметил вытеснение в Константинополе хор из рукавов креста, что сближает указанные памятники с псковским собором, большие размеры, сложность и артистизм решений, отличающие столичные храмы¹³.

Отметим сразу, что палатки во втором ярусе западных углов Мирожского собора появились только в процессе строительства, кроме того, они были связаны деревянным настилом, проходящим в западном рукаве креста. Таким образом, в соборе Мирожского монастыря мы видим вариант хор над западной частью всего храма (т. е. хоры не вытеснены из рукавов креста).

На наш взгляд, указанные памятники все же достаточно далеки от Мирожского собора именно в силу их сложности, сочетания довольно простого планового решения с усложненными деталями объемной структуры. Так, в церкви Георгия в Манганах (1040-е гг.)¹⁴ выделяется расширенный относительно рукавов креста подкупольный квадрат со скругленными углами и аркадами в арках, ведущих в рукава.

В Гюль Джами (кон. XI — нач. XII вв.)¹⁵ в нижней зоне строениями кажутся очень мощные столбы; высокие рукава креста, пересекаемые хорами не только с запада, но и с севера и с юга, отличают этот памятник от псковского храма. К чисто столичным деталям можно также отнести купольные своды в угловых частях. Кроме общей крестообразности интерьера, да, пожалуй, увеличенной западной части и укороченной — восточной, все формы Гюль Джами очень далеки от тяжеловатой и сумрачной архитектуры Спасо-Мирожского собора.

В Календер Джами (кон. XII в.)¹⁶ форма плана достаточно близка к собору в Пскове, но в константинопольском памятнике ясно выделена вима, а трехъярусные хоры в угловых частях, отграниченных от коротких и широких рукавов креста стенами с двумя ярусами арок, были задуманы первоначально и сообщались по обходящей храм галерее, что существенно отличает данную церковь от Мирожского собора, где палатки в углах лишь достраивали пониженные западные углы.

Во всех константинопольских памятниках — Гюль Джами, Календер Джами и Аттик Джами, о которой речь пойдет ниже, углы храма не понижены, а имеют высоту рукавов креста, что делает объемы

храмов компактными и не столь расчлененными, как псковский собор и другие храмы с выделенным пространственным крестом.

Упрощенным вариантом Календер Джами можно считать церковь Пантелеймона в Нерези (ок. 1164 г.) в византийской Сербии, выстроенную по императорскому заказу¹⁷. Этот храм гораздо ближе к псковскому, от которого его отличают высокие восточные углы, полная изолированность западных углов, сообщающихся только с нартексом, и пятиглавие, явно вызванное столичной ориентацией. Несмотря на равенство на константинопольские образцы, церковь в Нерези является провинциальным памятником, опирающимся на архаичные прообразы.

К таким прообразам относится константинопольский храм Аттик Джами (IX в.)¹⁸, который А. И. Комеч относит к типу провинциального крестовокупольного храма¹⁹. В этой церкви углы вычленены стенами, прорезанными арками — высокими в удлиненном западном нефе и низкими — в укороченном восточном. Укороченность восточного рукава креста и уменьшение восточных угловых ячеек, фактически составляющих абсиды (трехгранные с внешней стороны и полукруглые внутри боковые абсиды слиты с восточными угловыми компартиментами), делают памятник принципиально близким к псковскому собору.

Если в Константинополе храм подобного типа единичен (упомянутые три более поздних памятника, как уже говорилось, гораздо сложнее по плану и построению интерьера), то в провинциальной средневизантийской архитектуре такие композиции достаточно распространены.

Очень важна для понимания генезиса Мирожского собора церковь Рождества Богородицы в Дрополисе в Эпире, относящаяся к XII в.²⁰. Здесь к восточному рукаву, продолженному полукруглой абсидой, по сторонам примыкают выделенные стенами прямоугольные боковые алтарные помещения, дополненные полукруглыми абсидками. Рукава креста широкие и невысокие, как в Аттик Джами и Спасо-Мирожском соборе. Западные угловые части выделены стенами со стороны западного рукава креста. Все арки, соединяющие угловые компартименты с рукавами, — низкие. Как план, так и интерьер храма в Дрополисе очень близок к постройкам Нифонта (Спасо-Мирожский собор в Пскове, церковь Климента в Ладогe), причем западная пара квадратных столбов скорее напоминает старолadoжскую церковь Климента с ее западными столбами, чем Спасо-Мирожский собор и Аттик Джами с их Г-образными стенами.

Двумя описанными храмами — Аттик Джами и Рождества Богородицы в Дрополисе — можно было бы ограничиться, если бы не было сведений о широком распространении крестовокупольных храмов в других частях Византийской империи и на ее окраинах. Указанные храмы, как и весь тип крестовокупольных храмов с внутренними стенами вместе с храмами типа вписанного креста (с колоннами или столбами) восходят к одному прототипу — ранним крестовокупольным храмам, архитектура которых исследована Р. Краутхаймером. Это храмы Давида в Салониках (V в.), Тита в Гортине (VI в.), Николая в Мире

(VIII в.), Дере Ахси, Климента в Анкаре (обе — IX в.)²¹. Средневизантийские храмы с выделенными угловыми компартиментами составляют, при этом, особую группу, которую отличает от провинциальных греческих храмов «простого типа»²², принадлежащих к группе «переходных храмов»²³ именно то, что угловые ячейки ясно выделены стенами (в которых часто прорезаются арки). В переходных же храмах сохраняются пережитки базиликальной системы: хотя столбы и не выделены, а составляют часть стен, тянущихся в продольном направлении, но боковые нефы (угловые ячейки) широко раскрыты в «трансепт» (боковые рукава креста) и перекрыты сводами обязательно в продольном направлении. При этом оба типа храма имеют ясно выраженный пространственный крест с пониженными угловыми ячейками и возвышающимися рукавами креста, в скрещении которых возвышается световой барабан. Для нашего исследования важны именно крестовокупольные храмы с внутренними стенами и сильно обособленными угловыми ячейками.

Н. И. Брунов сравнивал собор Спасо-Мирожского монастыря с Атик Джамии и с церковью в Нерези (такое сравнение, как мы видели, достаточно верно) и пришел к выводу о болгарском происхождении архитектурного типа псковского храма (церковь в Нерези в то время относили к болгарской архитектуре), а также о передаточной роли зодчества Тмутараканского княжества, являвшегося, по мысли автора, промежуточным звеном между Болгарией и Русью. Примером этого, по Н. И. Брунову, является церковь в Коктебеле²⁴. Болгарское происхождение типа, объясняемое вероятным переходом типа церкви в Бояне (распространенные в Болгарии церкви с пристенными угловыми столбами) в тип церкви в Нерези (с вычлененными углами), может быть отвергнуто ссылкой на упомянутые крестовокупольные храмы в Константинополе и Эпире, не говоря уже о невозможности перехода один в другой двух уже обособившихся типов. Гипотетичность вхождения Коктебеля (как местности) в малоизученное Тмутараканское княжество, а также то, что в настоящее время храм в Коктебеле (Планерском) отнесен к типу базилики и датирован VII—VIII вв.²⁵, показывает ошибочность построений Н. И. Брунова.

Н. И. Брунов утверждал, что «в архитектуре Малой Азии средневизантийского времени неизвестны памятники, выстроенные в том же типе, что и Мирожский собор. ...Так же мало похожи на Мирожский собор и здания в Херсонесе»²⁶. Это суждение можно опровергнуть наличием значительного числа памятников именно того типа, который близок к собору Мирожского монастыря как в Херсонесе, так и в Малой Азии (крестовокупольные храмы, продолжающие традиции некоторых храмов ранневизантийской архитектуры)²⁷.

К данному варианту крестовокупольного типа храма средневизантийского времени можно с уверенностью отнести два храма в Херсонесе²⁸: так пазываемый «храм № 29» (VIII в.) с одной абсидой и замкнутыми угловыми помещениями, а также «пятиабсидный храм» (трехабсидный храм с выделенными углами и двумя симметричными

приделами по сторонам — X в.). К последнему очень близка церковь на острове Буюкада близ Амастры в Малой Азии (VIII в.)²⁹, которая приделов не имеет. Два последних памятника, «пятиабсидный» в Херсонесе и храм на Буюкада, в свою очередь достаточно близки к церкви в Дрополисе (трехабсидность, выделенные углы, в Дрополисе — только восточные, что свидетельствует о развитии типа в сторону «вписанного креста» и замене стен колоннами или — в Дрополисе — пилонами).

А. Л. Якобсон дает три аналогии к храмам Херсонеса³⁰: упомянутый храм близ Амастры, храм IX в. Кераментим Джамии в Фессалониках³¹ и церковь в Аполлонии (IX в.)³². Храмы в Фессалониках, Аполлонии и № 29 в Херсонесе одноабсидные, в Аполлонии в западном неффе есть и контрабсида. Интересны небольшие абсиды-нишки — в жертвенниках в Херсонесе и Аполлонии и в дяконнике — в Фессалониках. В трех храмах подкупольный квадрат шире рукавов креста, отчего в углах сделаны «четверти» (Херсонес, «пятиабсидный храм», Фессалоники, Аполлония). В «пятиабсидном храме» в Херсонесе в западных угловых компартиментах были приделы, для чего сделаны абсиды с окошками в боковые рукава креста. Список А. Л. Якобсона можно дополнить еще одним средневизантийским храмом в Малой Азии, это крестовокупольный одноабсидный храм в Четдаге близ Бинбиркилиссе (IX—XI вв.)³³, где ячейки несколько более открыты, дяконники и жертвенник имеют полукруглые нишки в стенах, а подкупольный квадрат шире рукавов.

Кроме перечисленных памятников Константинополя, Эпира и большой группы малоазиатско-херсонесских храмов следует назвать несколько церквей в Болгарии и Греции, более сложных по композиции внутреннего пространства, но принадлежащих к тому же типу крестовокупольных храмов.

Церковь IX—X вв. в Патлейне, недалеко от Болгарской столицы Преслава³⁴, — храм с выделенными угловыми компартиментами, трехабсидный, с подкупольным квадратом, углы которого скруглены. Р. Краутхаймер видит в многочисленных пишах в стенах константинопольское влияние, но план и замкнутость ячеек имеют, по его мнению, другой характер³⁵. А. И. Комеч сравнивает скругление углов подкупольного квадрата в Патлейне с подобным решением в церкви Георгия в Манганах³⁶. Прием скругления углов подкупольного квадрата можно считать аналогичным западающим «четвертям» в малоазиатско-херсонесских храмах: и в том и в другом случае решается вопрос сочленения широкого подкупольного квадрата и более узких нефов. В архитектуре Первого Болгарского царства IX—X вв. подобный прием скругления углов был достаточно распространен. Он встречается в церкви в Винени³⁷ (в Охридском округе в Македонии) — с боковыми экседрами, вписанными в прямоугольный абрис стен, незаполненными западными углами и дяконником и жертвенником, размещенными в толще стен восточных углов. Вероятно, наличие скругления углов подкупольного квадрата не свидетельствует о связях памятника со столичной архитектурой. Так, в церкви в местности Караач теке близ

Варны (X в.)³⁸ углы широкого подкупольного квадрата скруглены, к узким боковым рукавам креста примыкают боковые абсиды, с востока — три полукруглые абсиды. Западный рукав креста оканчивается вписанной в толщу стены контрабсидой. Вычлененные стенами углы напоминают как Патлейну, так и малоазиатские крестовокупольные храмы, а контрабсида заставляет вспомнить церковь в Аполлонии. Кроме перечисленных трех храмов со скруглениями в подкупольном квадрате в Болгарии (Патлейна, Виниси, Варна) можно назвать церковь Фотия (X в.) в Тебене³⁹ (Греция), по плану близкую к храму в Виниси. Интересна также церковь Дмитрия (XII в.) в Агиос на Эвбее⁴⁰, сочетающая изолированные углы с куполом на трюпах и подкупольным пространством со сложными экседрами, вписанным в прямоугольник (крестовокупольный храм с куполом на трюпах).

Отмеченные в храме Караач теке черты, родственные малоазиатским крестовокупольным храмам, особенно заметны в двух близких по плану церквях в Греции и Болгарии. В церкви в Кулата (X—XII вв.) прямоугольный абрис с одной трехгранной абсидой включает в себя короткие боковые рукава креста с экседрами в толще стен. Все угловые компартименты имеют полукруглые пиши-абсиды (как в Малой Азии и Херсонесе). Очень близкий план (боковые экседры, трехгранная абсида, угловые компартименты с пишами-абсидками) имеет храм Николая в Аулии (Греция, начало XI в.)⁴². Очень близка к малоазиатским памятникам церковь в монастыре Седем престола в Болгарии⁴³ (вычлененные углы с абсидками-нишками, одна полукруглая абсида), что, по нашему мнению, дает возможность датировать ее IX—XII вв., а не XIV в., как это делает К. Миятев.

Как видим, крестовокупольные храмы, по типу достаточно близкие собору Спасо-Мирожского монастыря, были распространены в провинциальной средневизантийской архитектуре, причем и в Греции, и в Малой Азии, и в Херсонесе, и в Болгарии, и даже в столице⁴⁴. Датировка этих памятников колеблется в пределах VIII—XII вв., что позволяет предполагать использование строителями Мирожского собора живой архитектурной традиции, а не архаичного и отмершего типа.

Указанными аналогиями можно было бы закончить поиск прототипов псковского собора, но, с другой стороны, все названные храмы принадлежат к «простому» варианту крестовокупольного типа: с четырьмя рукавами креста и четырьмя заполняющими пространства между рукавами угловыми компартиментами, без дополнительного помещения вимы. Абсиды (или абсида) примыкают с востока к торцу восточного рукава и к восточным угловым компартиментам. В том случае, если храм имеет внутренние стены, алтарная преграда может проходить только по линии восточных стен боковых рукавов креста. Восточные угловые компартименты оказываются изолированными от основного пространства храма.

В Спасо-Мирожском же соборе восточные угловые части остаются незаполненными прямоугольными компартиментами, боковые абсиды примыкают непосредственно к укороченному восточному рукаву

креста и восточным стенам северного и южного рукавов креста. Западные угловые части к моменту завершения постройки были достаточно высокими, но замышлялись низкими, равными по высоте абсидам. Абсиды в таком варианте в какой-то мере уравнивали западные угловые компартименты. Можно было бы предположить, что в псковском памятнике мастера обошлись без восточных угловых компартиментов, место которых заполнили боковые абсиды, которые могли бы выполнять ту же уравнивающую функцию (помимо ритуальной). Но абсиды Спасо-Мирожского собора — именно абсиды, их скругление и небольшая высота, а также сочетание их с восточным рукавом говорят о другом типе храма.

Перед нами особый вариант византийского храма, схематически его можно описать, как храм типа «свободного креста», у которого заполнены западные углы между рукавами креста или как храм типа «вписанного креста», у которого не заполнены восточные углы. Условно этот вариант можно было бы назвать типом «полувписанного креста».

Такой промежуточный тип не встречается среди перечисленных средневизантийских храмов с внутренними стенами. Поэтому, несмотря на констатацию близости типологии и даже иконографии внешних объемов и интерьеров псковского памятника и указанных крестовокупольных храмов, следует искать конкретные истоки столь оригинального гибридного планового решения с исключенными восточными компартиментами.

Подобная композиция впервые была выявлена в двух храмах столицы Первого Болгарского царства — Преславе и названа открывателем типа Н. Мавродиновым «преславский крестовидный тип»⁴⁵. Эти две церкви были датированы IX—X вв. и реконструированы как крестовокупольные храмы с двумя колоннами с запада и свободным восточным рукавом креста. Таким образом, эти храмы принадлежат к типу «полувписанного креста»: имеют четыре рукава, заполнены западные углы. Круглые колонны создают большую слитность угловых компартиментов и рукавов креста, но крестообразность интерьера все же должна была ощущаться очень сильно. В церкви № 3 в местности Селище в Преславе боковых малых абсид нет, полукруглые ниши жертвенника и дьяконника размещены в толще стен. Двум колонкам с запада соответствуют лопатки на западной стене четверика. Очень близкий план первоначально имела церковь № 4 в Селище; две колонны, которым отвечают лопатки на западной стене, несколько укороченный восточный рукав креста, переходящий в абсиду. Дьяконник и жертвенник уже первоначально помещались в боковых полукруглых абсидах, но они не имели сообщения с восточным рукавом креста. Во второй строительный период боковые абсиды были сооружены несколько точнее, что дало возможность соединить их проходами с восточным рукавом креста. Сравнение плана храма № 4 второго строительного периода с «двухколонными церквами» Греции, которое предлагает Н. Мавродиев, неправомерно, так как в храмах подобного типа все же имеются восточные угловые компартименты (т. е. они относятся к

«простому типу» крестовокупольного храма — вариант «вписанный крест»). В преславской же церкви место восточных угловых компартиментов занимают боковые абсиды, что очень сближает этот памятник с Мирожским собором.

В более поздней работе Н. Мавродинов указал на то, что церкви № 3 и № 4 в Селище были усыпальницами боярских семей, и отнес к этому же типу храм № 3 в местности Бял Бряг в Преславе. Все храмы суммарно были датированы концом IX—X вв.⁴⁶

К. Миятев дополнил список из трех храмов (Селище № 3 и № 4 и Бял Бряг № 3) храмом в местности Тузлалка и описывал тип как «купольные церкви с квадратным паосом и свободными подпорами»⁴⁷. Еще один храм «преславского типа» указывает Н. Чанева-Дечевска — церковь в урочище Каменарь все в том же Преславе⁴⁸. В отличие от церквей № 3 и № 4 в Селище и церкви в Каменаре, церковь в Тузлалке и храм № 3 в Бял Бряге имели не колонны, а квадратные столбы с запада. Все храмы, кроме церкви № 4 в Селище, имеют одну абсиду (полукруглую № 3 в Селище или граненую — Каменарь, Тузлалка, № 3 в Бял Бряге). Есть предположения о принадлежности к «преславскому типу» и церкви в Винице⁴⁹.

Со своей стороны отметим, что памятники «преславского типа» в Болгарии времени Первого Болгарского царства строились не только в Преславе. Так, в церкви № 16 на холме Трапезица в Велико Тырново, подробно рассмотренной Н. Мавродиновым⁵⁰, встречаем прямоугольный план с притвором и одной многогранной абсидой. Членения боковых фасадов (сдвинутые к востоку ниши, соответствующие боковым рукавам креста), полукруглые ниши дьяконника и жертвенника, сохранившийся восточный рукав креста с нишами по сторонам (как в Тузлалке и Каменаре), а также платформы, на которые могли быть поставлены две колонны, — все эти формы позволяют с уверенностью отнести храм к «преславскому типу» (или — типу «полувписанного креста»). Н. Мавродинов, указавший на сходство некоторых деталей с церквями в Преславе и отнесший храм ко времени Первого Болгарского царства, не заметил типологической принадлежности памятника и обозначенных на плане платформ, а потому ввел новый тип «поперечных построек» (по форме паоса без опор), что, конечно, неверно.

Только Н. Мавродинов в своей ранней монографии попытался найти аналогии «преславскому типу» храмов, который в других работах болгарских исследователей не находит никакого объяснения. Н. Мавродинов указывает на церковь Евстафия в Мираме, известную по публикации Г. Белл, датирует ее XII в. и разбирает отличия преславских храмов от этого малоазиатского здания (отсутствие притвора в последнем, включенность восточного рукава в абсиду в Преславе и свободный его характер в Мираме). Исследователь упоминает несколько малоазиатских и армянских церквей со схожим планом, но приходит к выводу о происхождении типа не из Малой Азии (ведь, по его мнению, храм в Мираме позднее «преславского типа»), а из церкви Софии в Софии (VI в.), где восточный рукав свободен, а к поперечным с запада примыкает трехнефная базилика⁵¹. В таком сопоставлении явно

звучит желание отстоять болгарское происхождение «преславского типа», но крупный масштаб церкви Софии и принадлежность ее к абсолютно другому типу делают болгарское происхождение типа маловероятным. Мнение же Н. Мавродинова о промежуточной роли типа между типами «свободного» и «вписанного креста» заслуживает внимания.

Рассмотрим архитектуру церкви Евстафия в Мираме, расположенную в 3 милях к юго-западу от Конии в Ликаонии (Малая Азия). Храм был опубликован Г. Белл, не давшей даты сооружения⁵². Этот памятник крупнее преславских церквей, здесь ясно выражен восточный рукав креста, к которому примыкает пониженная полукруглая абсида. Купол на барабане несут торцы восточного нефа и два квадратных в плане западных столба, которым с юга и запада отвечают лопатки на стенах. Несмотря на утверждение Н. Мавродинова, храм имеет нартекс. Западные углы храма к моменту обследования были вровень с рукавами креста, возможно, что они и первоначально не были понижены. Если в церквях «преславского типа» нам был доступен только план из-за их руинированного состояния, то в храме в Мираме ясно ощущается необычность объемного решения памятников типа «полувписанного креста»: кубический объем, несколько растянутый в широком направлении, сдвинутый к востоку барабан, «одинокий» восточный рукав с пустующими закрестьями и невысокой абсидой, продолжающей рукав. Судя по двойному окну в южной стене южного рукава креста, а также по форме абсиды, храм относится к средневизантийской архитектуре, причем не к XII веку, как утверждал Н. Мавродинов, а ко времени до 1072 г.⁵³, когда районы восточной части Малой Азии попали под власть турок-сельджуков (примерно IX—XI вв.).

Таким образом, церковь Евстафия в Мираме может быть одновременно храмом «преславского типа», от которых отличается большей масштабностью и суровостью плана и объемов, а также монументальностью деталей. Памятник в Мираме не единичный образец типа «полувписанного креста» в Ликаонии. К этому типу относится крупный по размерам и элегантный по деталям храм Амфилохия в Конии⁵⁴. Типологически он очень близок к церкви в Мираме: четверик, вытянутый с севера на юг; высокий барабан, квадратные столбы с отвечающими им лопатками на стенах — в интерьере. Отличительной чертой является восточный неф, который вместе с полукруглой абсидой с внешней стороны вписан в круглящуюся «абсиду», что близко напоминает собор Мирожского монастыря. Дьяконник церкви Амфилохия помещен в полукруглой абсидке в толще стены. Мощным объемам памятника соответствует декорация: двухуступчатые арки, отмечающие торцы боковых рукавов креста, сдвоенные окна с разделяющими колонками и два ряда уступчатых арочных ниш на барабане (чередуются слепые ниши и окна). Архитектура этого храма не выглядит провинциальной, она полностью связана с византийским зодчеством IX—XI вв. и только оригинальный тип выдает местную традицию. Храм в Конии построен также до 1072 г. и, по нашему мнению, относится к X—XI векам.

Храмы Ликаонии составляют небольшую цельную по художественным принципам группу, в которой в крупном масштабе решаются те же задачи, что и в преславских памятниках. Еще один храм можно отнести к средневизантийским памятникам типа «полувписанного креста», правда с некоторыми оговорками. Это так называемый Южный Зеленчукский храм на Северном Кавказе, на территории среднесвековой Алании⁵⁵. С полным основанием памятник относят к X веку. Но В. А. Кузнецов, обследовавший памятники Алании, в качестве апалогий приводит храмы типа «вписанного креста» простого варианта (с четырьмя столбами) и указывает на малоазиатские апалогии⁵⁶. Между тем, обозначенные на плане два восточных столба не являются столбами: перекинутые между «столбами» арки прорезают восточную ступу поперечных рукавов креста. Таким образом, боковые абсиды примыкают непосредственно к трансепту, без восточных угловых компартиментов, на что указывает уступ стен четверика и утонение абсид, В. А. Кузнецов указывает на то, что «средняя абсида слегка возвышается над боковыми, слегка возвышены были и поперечные ветви креста над абсидами»⁵⁷. Следовательно, Южный Зеленчукский храм принадлежит к тому же типу, что и церкви Ликаонии: два квадратных столба, вытянутое в поперечном направлении прямоугольное помещение, включающее западный и поперечные рукава креста и довольно высокие западные угловые части. С запада примыкает восточный рукав с абсидой, но восточные углы заполнены довольно высокими абсидами, которые все же ниже рукавов креста и дают возможность установить типологию.

Происхождение типа «полувписанного креста» достаточно загадочно, но уже сейчас можно утверждать, что подобные храмы существовали уже в IV—VI веках. Храмов этого типа достаточно много, в них ясно видно, что произошли они от храмов типа «свободного креста», к которым примыкали какие-либо помещения с запада. Иногда этих помещений нет, но остаются компартименты, заполняющие западные закрестья. Большинство ранних храмов типа «полувписанного креста» находятся в Ликаонии и Киликии: Михалеч (IV—VI вв., один из наиболее ярких памятников)⁵⁸, Сют Килиссе⁵⁹, Ягдебаш⁶⁰, Даулех⁶¹ (все — V—VI вв.). Встречаются подобные храмы и на Балканах: Царичин Град (VI в.), один из храмов которого Р. Краутхаймер относит к крестообразным зданиям и сравнивает с памятниками Каппадокии⁶². Между тем западные углы у этого храма заполнены и отделены от рукавов креста стенами, как у малоазиатских памятников.

В ранневизантийской архитектуре у памятников типа «полувписанного креста» были внутренние разделяющие стены, в средневизантийское время углы больше включены в общее пространство, стены сменяются столбами (Ликаония, Алания, Болгария) или колоннами (Болгария). Такая эволюция совпадает с общим движением в византийской архитектуре. В поздневизантийское время нам известен только один памятник, который можно отнести к выявленному типу. Это церковь в Дольне Каменице, принадлежащая к болгарской архитектурной

школе XIV в.⁶³. Здесь восточные углы заполнены массивами кладки (внутри один восточный неф), к западному рукаву по сторонам примыкают угловые помещения, отделенные стенами. Но это, скорее, единственный пример использования архаичной композиции.

В отдаленных ареалах распространения византийской архитектурной традиции существовал и «обратный» тип храма — «свободный крест» с заполненными восточными угловыми ячейками. Они достаточно широко распространены в VIII—XI вв. в Тао-Кларджетии, где В. Беридзе назвал их храмами типа «полусвободного креста»⁶⁴. Представляется, что такое название можно развести с предложенным нами названием типа с заполненными западными ячейками — «полувписанный крест», т. к. в последнем встречаются и столбы и колонны, т. е. этот тип ближе к собственно типу «вписанного креста». Название же «полусвободный крест» выявляет заполнение восточных ячеек (часто — невысокими абсидами или пониженными прямоугольными алтарными помещениями) и ясно читаемую западную ветвь креста. «Противоположность» указанных типов позволяет использовать оба названия.

Кроме Тао-Кларджетии храмы типа «полусвободного креста» известны в Картли (Теловани VIII—IX вв. и Икви XI в.)⁶⁵, в Кахетии (храм в Кутурис-Сакдари X—XIII вв.)⁶⁶, в Западной Алании (Средний Зеленчукский храм X в.)⁶⁷, в Армении (VII—IX вв. — Кош, Махмудшук)⁶⁸. Схожие композиции встречаются в Византии (сложные по плану церкви Андрея в Перистерии IX в. и Панагия Камариотисса на о. Халки XI в.)⁶⁹, Далмации (церковь Николая в Нине IX—XI вв.)⁷⁰, в какой-то мере данный тип напоминают некоторые памятники Рашской школы (нач. XIII в.) в Сербии⁷¹.

Рассмотренные памятники типа «полувписанного креста» в Болгарии и Ликаонии имеют свободно стоящие опоры, а не стены (или их отрезки), как в Мирожском соборе. В связи с этим следует искать место и причину соединения традиции крестовокупольных храмов (с внутренними стенами) и типа «полувписанного креста». Кроме того, если крестовокупольные храмы архаического типа доживают до XII века (Дрополис), то памятники типа «полувписанного креста» в Болгарии сооружены не позднее конца X века, а в Ликаонии — не позднее третьей четверти XI века. Можно предположить, что между храмами провинциального византийского ареала (в Болгарии или Ликаонии) и псковским собором второй четверти — середины XII века существовала промежуточная ступень освоения типа, непосредственно связанная с византийской традицией.

Такой промежуточной ступенью оказывается зодчество древнерусского Переяславля Южного конца XI — начала XII вв. Все исследователи, писавшие о переяславской архитектуре этого времени, указывали на особый характер ее форм, а П. А. Раппопорт и М. В. Малевская, а также А. И. Комеч прямо указывают на византийское происхождение артели⁷². Строительство конца XI в. справедливо связывается с личностью переяславского митрополита Ефрема, вступившего в сан около

1077 г. Личность Ефрема хорошо изучена современными исследователями⁷³. Скопец Ефрем был слугой на княжеском дворе киевского князя Изяслава («каже спик некто от князя дому, иже бе любим князем и предржа у него вся»⁷⁴), затем постригся в Киево-Печерском монастыре у Антония, у которого и получил монашеское имя Ефрем. Некоторое время спустя Ефрем отправился в Константинополь («Ефрем каже спик отиде в Костянтин град и ту живаше в едином монастыри. После же изведен бысть и в страну сию и поставлен бысть митрополитом в городе Переяславли»⁷⁵), где паходился в 1050—1070-х гг.⁷⁶ Ефрем в Константинополе списал для Феодосия Студийский устав. В Переяславле митрополит «много зданья въздвиже: dokonчав церковь святаго Михаила, заложи церковь на воротех городных, во имя святаго мученика Феодора, и посем святаго Андрея у церкви от ворот, и строенье баньное камено, сего же не бысть прежде в Руси, и град бе заложил камен: от церкви святаго мученика Феодора, и украси город Переяславский зданием церковными и прочими зданья» (статья Лаврентьевской летописи под 1089 г. и Ипатьевской — под 1090 г.)⁷⁸.

Предполагается, что из Византии Ефрем привез (или вызвал) греческих мастеров, причем для главного храма Переяславля — церкви Михаила — указываются константинопольские источники — Гюль Джами и Календер Джами⁷⁹. В городе в конце XI — начале XII вв. было возведено более 10 каменных построек, среди них храмы разных типов: бесстолпные, те, что названы «двустолпными», шестистолпные⁸⁰. Для нашей темы интересны четыре храма: церковь на Советской улице, Спасская церковь, церковь на площади Воссоединения и церковь Михаила Архангела в Остерском городке, принадлежавшем к Переяславскому княжеству.

В церкви Спаса (кон. XI в.) мы встречаемся с труднообъяснимым типом: прямоугольное помещение имеет два квадратных столба с востока и дополнено восточным свободным рукавом с абсидой. П. А. Раппопорт называет этот храм двустолпным⁸¹, но он скорее может быть отнесен к типу неполного вписанного креста с очень удлиненным восточным рукавом креста и столбами, смещенными к востоку. План церкви можно сравнить с планом церкви № 3 на Трапезице в Тырнове, которая датируется XII в. и в которой подкупольное пространство также получается очень вытянутым в продольном направлении⁸². А. И. Кочеч считает, что Спасская церковь и церковь на Советской улице размерами и деталями напоминают храмы Болгарии X в. — Виница, Патлейна, Бял Бряг и другие, причем ссылка на Р. Краутхаймера свидетельствует о направленности аналогий (эти храмы Р. Краутхаймер считает связанными с константинопольской архитектурой). Если болгарские параллели для Спасской церкви и реконструкция ее все же гипотетичны, то для церкви на Советской улице (кон. XI в.) ближайшими по плану оказываются храмы «преславского типа» (т. е. «полу-вписанного креста»). Церковь обычно называют бесстолпной⁸³, но это, вероятно, такая же ошибка, какая произошла с реконструкцией храма № 16 на Трапезице в Тырново (см. выше). Удлиненный прямоугольник храма дополнен полукруглой абсидой и прямоугольным притвором

с запада. Членения на боковых фасадах (лопатки по краям и по одной лопатке, сдвинутой к западу) говорят о наличии боковых поперечных рукавов, отсеченных на фасадах лопатками по краям, (восточные лопатки и «сдвинутые» лопатки) и западных угловых компартиментов. «Сдвинутым» лопаткам на внешней стороне стен соответствуют внутренние лопатки, которые, как мы предполагаем, отвечали паре западных колонн из цельных блоков (как в Болгарии в ряде храмов). Пол в церкви не сохранился⁸⁵, поэтому разрушенные платформы под колонны не были обнаружены. Следует отметить, что храм на Советской улице несколько крупнее церквей «преславского типа», к которым по размерам ближе церковь Спаса.

Еще один переяславский памятник — церковь Михаила Архангела в Остерском городке (ок. 1100 г.)⁸⁶ — ближе всего к типу «полу-вписанного креста» в Ликаонии, но свободно стоящие столбы здесь заменены Г-образными отрезками стен, ограничивающими западные углы подкупольного квадрата. Видимо, в этом храме и произошло соединение типа «полу-вписанного креста» (с «одиноким» восточным рукавом с абсидой, вписанными в полукруглый абрис (как в Кони), с парой западных опор и отвечающими поперечным рукавам креста и угловыми западными компартиментами) с крестовокупольным типом храма с внутренними участками стен и отвечающими им внутренними лопатками (их отмечает П. А. Раппопорт). Известно, что в храме над западной частью имелись хоры, что в храмах византийской провинции типа «полу-вписанного креста» невозможно. В Остерском городке мы видим соединение двух архаических типов, что создает, по сути, новый тип, объединяющий черты типов-прообразов. В церкви Михаила Архангела нет боковых абсид (жертвенник помещен в нише в толще стены) и восточных угловых компартиментов. «Полный» тип храма такой же типологии представляет церковь в Минске (кон. XI — нач. XII вв.)⁸⁷. Сравнение этого храма с церковью в Остерском городке раскрывает ранее не очень понятную композицию: здесь те же Г-образные столбы и отвечающие им внутренние лопатки на стенах, но храм дополнен к востоку и имеет восточные угловые части. Ограниченное столбами подкупольное пространство оказывается в центре, а с востока к четверику примыкают три абсиды. Можно предположить, что углы минского храма были понижены. Исследователь минского храма Э. М. Загоруйский называет среди аналогий храм в Остерском городке, но датирует памятник в Минске не XII в., а 1071—1085 годами^{87а}. Полной аналогией минскому храму оказывается новая открытая церковь на Детинце в Чернигове, которую исследователи датируют 70-ми гг. XI вв.^{87б}. Обнаруженные части храма относятся к его подклету, по все же можно хорошо представить типологию храма: простой вариант с тремя абсидами и подкупольным пространством, выделяемым Г-образными столбами, которым отвечают лопатки на западной стене. Этот памятник, по нашему мнению, дает ключ к пониманию типологии храма в Минске и одновременно указывает на более широкое распространение храмов с внутренними стенами в древнерусской архитектуре (не только Переяславль и Минск, но и соседний с Переяславлем Чернигов).

Если переяславская церковь на Советской улице и храм в Остерском городке, относящиеся к типу «полувписанного креста», имеют одну абсиду, то церковь на площади Воссоединения (кон. XI в.) в Переяславле, имеет три абсиды. Этот памятник относят то к четырехстолпному, то к двустолпному типу⁸⁸, но характер плана свидетельствует о его принадлежности к типу «полувписанного креста». Членения стен аналогичны храмам в Остре и на Советской улице: лопатки по краям рукавов креста и лопатки, выделяющие западные угловые компартименты. С востока прямо к поперечным рукавам и подкупольному пространству примыкают три абсиды, средняя из которых включает прямоугольный отрезок восточного рукава креста. С запада располагались два крестообразных столба, которые соединены со стенами лепточными фундаментами, что может свидетельствовать о выделенности западных угловых компартиментов отрезками стен. В таком случае этот храм является ближайшей аналогией собора Мирожского монастыря (трехабсидность с боковыми абсидами, заменяющими угловые компартименты, вычлененные западные угловые компартименты). Вместе с церковью в Остре, церковь на площади Воссоединения показывает сложные типа Мирожского собора: византийские мастера используют традиции крестовокупольного типа (внутренние стены), и вводят трехабсидность.

Откуда пришли мастера, создавшие четыре рассмотренные переяславские церкви, пока недостаточно ясно. Некоторые болгарские аналогии (полукруглые нишки-абсиды в стенах, восточный рукав с полукруглой абсидой) не снимают вопроса о временном разрыве между архитектурой Первого Болгарского царства (IX—X вв.) и зодчеством Переяславля (втор. пол. XI — нач. XII вв.). Кроме того, указанные черты встречаются и в малоазиатских храмах. Более вероятным, на наш взгляд, является малоазиатское происхождение мастеров, что подкрепляется тем, что Ефрем был в Византии как раз в тот момент, когда усиливающееся давление турок-сельджуков и захват ими Киликии и Ликаонии в 1071—1072 гг. могли заставить мастеров бежать в Константинополь, откуда Переяславский митрополит вывез их на Русь. Нельзя полностью отрицать и возможности более поздней датировки болгарских храмов в Преславе: они могли сооружаться и при византийском владычестве в Болгарии.

Новгородский епископ Нифонт (1131—1156 гг.), создавший собор Спасо-Мирожского монастыря, был постриженником того же Киево-Печерского монастыря, что и Ефрем⁸⁹. Возможно, он был знаком с переяславским зодчеством. Второй возможностью получения мастеров или оформления архитектурной идеи, схожей с переяславскими храмами, были союзнические отношения Нифонта с князьями переяславскими и ростово-суздальскими: Юрием Долгоруким (1148 г., 1149 г.) и Мстиславом Юрьевичем (1154 г.)⁹⁰. Тесно связанный с Южной Русью и поддерживающий отношения с Мономаховичами, Нифонт мог получить переяславского мастера в 1140-х гг., как раз тогда, когда переяславское зодчество замирает.

Появление типа «полувписанного креста» в переяславском зодчестве вполне объяснимо. Ведь Переяславль Южный в конце XI века по велению титулярного митрополита новой епархии превратился в своеобразную «выставку архитектурных типов», некий «архитектурный салон». Современники Ефрема могли видеть широкий диапазон иконографических типов, перенесенных приглашенными митрополитом византийскими мастерами на русскую почву: маленькие бесстолпные храмы, «перистильный» храм, «полувписанный крест», надвратный храм, каменные укрепления, баня, большой собор «сложного» варианта с дополнительным предалтарным пространством — вимой. В этом списке «полувписанный крест» смотрится как один из иконографических вариантов в широко задуманном «архитектурном плане» Ефрема.

Выбор же Нифонтом рассматриваемого типа объяснить труднее, так как личность новгородского епископа пока еще недостаточно изучена. Достаточно широко образованный святитель, выходец из привилегированного Киево-Печерского монастыря, Нифонт мог иметь свою идеологическую программу, но, если именно она отразилась в иконографии Мирожского собора, то она была «византийской» по замыслу и провинциальной (хотя и монументальной) по выражению. Выбор провинциального византийского типа храма (возможно — на переяславской «витрине»), был, по нашему мнению, обусловлен стремлением Нифонта в своих личных постройках подчеркнуть церковное («пемирское») положение ктитора: по сравнению с мощными храмами, построенными по заказу новгородских князей, новый тип мог говорить об особом монастырском укладе Мирожской и Климентовской обителей, сосредоточенности и своеобразной «законченности» идей церковного иерарха. Важную роль могла играть ярко выраженная крестообразность типа, его жестковатая структурность, что, в конечном счете, могло читаться (как это ни противоречит формам) как большая «византийскость» и «столичность».

Следует особо отметить то, что «переяславский» мастер мог и скорее участвовать в замысле объемной композиции Мирожского собора, чем руководить строительством в целом, так как в этом храме использованы традиционная новгородская строительная техника и некоторые архитектурные формы: подковообразные абсиды, пониженные подпружные арки, консольные устройства для их опор, архитектурный убор фасадов (например — аркатура на барабане), проемы⁹¹. Собор, видимо, создан как результат сотрудничества мастера переяславской традиции и новгородских мастеров. Этот храм был настоящей революцией в архитектуре Новгородской земли, нарушением традиции и рождением новой. В чистом виде типология Мирожского собора на северо-западе Руси была повторена всего два раза: в церкви Климента в Ладоге 1156 г. и в соборе Рождества Богородицы 1310—1311 гг. Снеготорского монастыря в Пскове. Церковь Климента⁹² характеризуется увеличением размеров по сравнению с Мирожским собором, заменой Г-образных столбов на квадратные в плане свободно стоящие пилоны (как в Дрополисе и храмах Ликаонии). Проблема входа на хоры была

решена с помощью устройства внутрстенной лестницы в нартексе, где располагались хоры, соединенные с палатками во втором ярусе угловых компартиментов. Крупные размеры храма и подкупольного квадрата (5,5×5,5 м) делали этот памятник даже более выразительным, чем псковский собор.

В иной исторической обстановке был создан собор Снетогорского монастыря, являющийся копией Спасо-Мирожского собора, созданной новгородскими мастерами начала XIV века. Создание такой копии было вызвано тем, что псковичи к указанному времени уже воспринимали Мирожский храм XII века как памятник собственной, псковской традиции. Поэтому во втором по значению псковском монастыре был повторен собор одной из наиболее прославленных городских обителей. Для возведения собора Снетогорского монастыря псковичи, не имевшие в первой половине XIV века своих мастеров, должны были пригласить зодчих из Новгорода⁹³. Типология собора XIV века близка к образцу, но многое свидетельствует о другой эпохе: некоторое сокращение размеров, меньшие размеры подкупольного пространства, а потому более узкие и длинные рукава креста. Несколько повышена высота храма, новой чертой, восходящей к памятникам второй половины XII в. (см. ниже) является каменная внутрстенная лестница на хоры в западной стене храма. Собор Снетогорского монастыря вместе со Спасо-Мирожским собором оказывали влияние на формирование псковской архитектурной традиции во второй половине XIV века, когда эти «домонгольские» образцы были сплавлены с современной новгородской архитектурой, что и создало основной тип псковской архитектурной школы⁹⁴.

Кроме трех храмов переяславской архитектуры конца XI — начала XII вв. и трех храмов Северо-Западной Руси середины XII и начала XIV века тип «полувыписанного креста», причем с внутренними стенами, отделяющими западные угловые компартименты, существовал в XIII веке в Галицкой земле. По характеру плана и объемной композиции церковь Рождества в Галиче⁹⁵ (втор. пол. XIII в. — по О. М. Иоаннесу⁹⁶; рубеж XIII—XIV вв. — по И. Р. Могитычу⁹⁷) представляет тип в «очищенном виде»: с пониженными западными углами и без хор. В этом храме типология доведена до пределов возможного: западное членение очень удлинено, боковые нефы крайне сужены, очень неглубоки и поперечные рукава креста. Центральная абсида включает в себя и прямоугольный отрезок восточного рукава креста, боковые абсиды занимают место угловых компартиментов (как в переяславской церкви на площади Воссоединения и трех храмах Северо-Западной Руси). Западные угловые части отделены стенами и даже не сообщаются с западным рукавом креста. В объемной композиции выделен пространственный крест, увенчанный в средокрестии широким барабаном.

Откуда появилась композиция церкви Рождества в Галиче пока остается невыясненным, хотя ее бытование в галицком зодчестве позволяет предположить какие-то нам доселе неизвестные источники и

в этом регионе. Возможно, галицкий храм восходит к той же переяславской школе XI в., через «пропавшие звенья» (см., например, церковь в Василеве, где план очень вытянут, а столбы сложной формы с отвечающими им сильно вынесенными внутренними лопатками⁹⁸).

Ни в Новгороде, ни в Пскове, как мы уже видели, храмы типа «полувписанного креста» не получили значительного распространения. Но крестообразность интерьеров этих памятников с выделенными стенами угловыми частями повлияла на образование основного типа новгородской архитектуры второй половины XII — первой половины XVI вв. Основываясь на сохранившихся памятниках, можно представить картину образования этого типа — новгородского варианта типа «вписанный крест»⁹⁹.

В памятниках новгородской архитектуры второй половины XII в.¹⁰⁰ хорошо видна эволюция, отдаляющая памятники от типа Спасо-Мирожского собора. В церкви Георгия в Ладоге (1150-е — 1160-е гг.) в целом сохраняется крестообразность интерьера и двухъярусность западных углов с хорами и палатками, однако боковые абсиды поднимаются до высоты центральной, что позволяет выделить на боковых фасадах восточные прясла (чрезвычайно узкие). При этом проходы в восточный рукав из боковых абсид остаются низкими, в северный и южный рукава эти абсиды (ставшие в западной части, по сути, восточными угловыми компартиментами, к которым примыкают собственно абсиды) открыты высокими арками, связывающими пространства отдельных частей. С запада в нижней части подкупольные опоры представляют собой квадратные столбы, как в церкви Климента. Сделан шаг к возвращению к компактному храму «простого» типа, в интерьере которого присутствует в верхних частях крестообразная схема с отделенными стенами угловыми компартиментами.

Дальнейшие шаги по этому пути сделаны в церкви Успения в Ладоге (1150—1160-е гг.), где восточный рукав имеет свод выше верха конхи, что разделяет рукав и абсиду, а восточные угловые компартименты уже полностью оформились в прямоугольные блоки с примыкающими высокими боковыми абсидами. Эти восточные угловые компартименты отделены от рукавов креста стенами, в которых прорезаны арки в два яруса. Такое решение восточных углов при двухъярусности западных близко к одному из подтипов более поздних новгородских храмов типа «вписанного креста» и большинства псковских памятников этого типа.

Другой вариант решения восточных углов при том же типе построения интерьера представлен в церкви Петра и Павла на Синичьей Горе (1185—1195 гг.) в Новгороде: здесь при двух ярусах, выходящих в восточный рукав, с запада восточные угловые ячейки открыты в трансепт высокими арками. Подобное построение восточных углов встречается позднее только в Пскове, в церкви Козьмы и Дамиана с Примостью (1462—1463 гг.).

В церкви Спаса на Нередице (1198 г.) восточные компартименты по типу близки к боковым абсидам-компартиментам в церкви Георгия в Ладогe: узкие и низкие арки в восточный рукав и высокие арки в трансепт. Такая схема позднее встречается в нескольких позднейших новгородских храмах. В церкви на Нередице интересны деревянные хоры (и в угловых частях), а также восходящие к Спасо-Мирожскому собору пониженные боковые абсиды. Подобные пониженные боковые абсиды есть еще только в одном новгородском памятнике: церкви Воскресения на Мячине, построенной в 1463 г., но подражающей формам предшествующего храма 1195—1196 гг.¹⁰¹. Подобная композиция абсид будет характерна для большинства псковских храмов XV—XVI вв., хотя во Пскове этот прием восходит не к Нередице, а к Мирожскому собору через собор Снетогорского монастыря.

Во всех перечисленных новгородских храмах второй половины XII века лестница на хоры идет в западной стене, что позволяет устроить во втором ярусе западных угловых компартиментов две палатки, в которых размещались приделы. Построение хор как помоста между двумя палатками восходит к Спасо-Мирожскому собору, но использование в последнем приставных деревянных лестниц для попадания на хоры было крайне неудобно, что привело к появлению внутристенной лестницы сначала в притворе (церковь Климента в Ладогe), а затем в толще западной стены самого четверика. Позднее, в XIV—XVI вв., внутристенные лестницы встречаются довольно редко¹⁰², а во Пскове, за исключением собора Снетогорского монастыря, их нет совсем. Но во многих храмах Новгорода и Пскова устраивали две палатки (к ним вели приставные деревянные лестницы), что также напоминает Спасо-Мирожский собор.

В начале XIII столетия в новгородской архитектуре опять происходит слом традиции: на этот раз типологию храмов значительно изменили приглашенные смоленские мастера¹⁰³. Но тип «вписанного креста» спустя некоторое время вновь делается доминирующим в новгородской архитектуре, а также в псковском зодчестве, ответвляющемся от новгородского в последней четверти XIV века. Восходящая к провинциальным типам средневизантийской архитектуры («полувписанный крест» и крестовокупольный храм) иконография собора Спасо-Мирожского монастыря была в новгородской архитектуре вскоре изменена в сторону «простого» варианта типа «вписанного креста». Но именно тип Мирожского собора, в конечном счете, определил своеобразие архитектуры Северо-Западной Руси. Здесь сложился тот особый вариант типа «вписанного креста» — с выделенными угловыми частями при компактном объеме, — который отличает храмы этого региона от памятников других школ древнерусской архитектуры. Образ интерьеров храмов Новгорода и Пскова находится в далеком родстве с иконографией интерьеров архаичных типов средневизантийских храмов.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Размеры храмов типа «полувыписанного креста» (в метрах)

Название	Ширина	Длина (без абсид)	Сторона подку- польного квадрата
Преслав. Каменарь	6,5	7,0	1,8
Преслав. Тузлалка	6,0	7,0	2,0
Преслав. Бял Бряг № 3	5,8	6,0	2,0
Преслав. Селище № 3	6,0	6,5	2,0
Преслав. Селище № 4	6,0	6,5	2,0
Велико Тырново. Трапезица, № 16	6,5	7,0	2,0
Св. Амфилохия в Кони	16,0	13,0	4,5
Св. Евстафия в Мираме	8,5	8,5	3
Южный Зеленчукский храм	7,8	6,5	1,8
Переяславль. ул. Советская	10,0	10,0	?
Переяславль. пл. Воссоединения	12,0	12,0	3,5
Переяславль. Церковь Спаса.	8,0	8,0	3,0
Остерский городок	11,0	11,0	4,0
Галич. Церковь Рождества	18,0	19,0	7,0
Псков.			
Собор Спасо-Мирожского монастыря.	16,0	11,0	5,0
Ладога. Церковь Климента.	18,0	11,0	5,5
Псков.			
Собор Снеогогорского монастыря.	14,0	10,0	4,0

ЛИТЕРАТУРА

1. Седов Вл.В. Об иконографии внутреннего пространства новгородских храмов XIII-XVI веков. // Иконография архитектуры. М., 1990, с.102-127.
2. Раппопорт П.А. Русская архитектура X-XIII веков. М., 1982, с. 79-81.
3. Седов Вл.В. Происхождение и становление псковской архитектурной традиции. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. иск. М., 1989, с.14-15.
4. Раппопорт П.А. Ук. соч., с.79-80.; Белецкий В.Д. Клейна и знаки на кирпичах XII века из церкви Дмитрия Солунского в Пскове. //Советская археология", 1971, N2, с.272-278.
5. Белецкий С.В. "Яведова печать" (Из истории Пскова XII в.) //Археология и история Пскова и псковской земли. Псков, 1986, с.21-24. Автор этой работы предполагает, что дата "1144 г." возникла в результате ошибки в написании буквы в летописи, правильное, по его мнению, - "1132 г."
6. Михайлов С.П. Первоначальное убранство интерьера собора Иоанновского монастыря во Пскове. //Древнерусское искусство. Художественная культура X - первой половины XIII в. М., 1988, с.95-100.
7. Алферова Г. Собор Спасо-Мирожского монастыря. //Архитектурное наследство. Вып.10. М., 1958, с.3-32.
8. Конец А.И. Архитектура Новгорода XII столетия. //Actes du XV-e Congres international d'etudes byzantines. V.II. Athenes, 1981, p.294-300; Раппопорт П.А. Архитектурные исследования памятников древнего новгородского зодчества. //Новгородский исторический сборник. Л., 1982, с.201; Пескова А.А., Раппопорт П.А., Штендер Г.М. К вопросу о сложении новгородской архитектурной школы. //Советская археология, 1982, N3, с.44-45. Раппопорт П.А. Зодчество Древней Руси. Л., 1986, с.74; Штендер Г.М. Архитектура новгородской земли X-XIII веков. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. арх. Л., 1984, с.11; Мильчик М.И., Штендер Г.М. Западные камеры собора Мирожского монастыря во Пскове. (К вопросу о первоначальной композиции храма). //Древнерусское искусство. Художественная культура X - первой половины XIII в. М., 1988, с.77-94; Лагунин И.И. "И бысть тишина в рустей земли..." К вопросу о датировке Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря в Пскове. //Древний Псков. История. Искусство. Археология. Новые исследования. М., 1988, с. 66- 98; Раппопорт П.А. Внешние влияния и их роль в истории древнерусской архитектуры //Византия и Русь. М., 1989, с. 143; Milčik M. Deux eglises russes septentrionales du milieu du XII-e siecle: l'influence

- byzantine sur l'architecture russe du Moyen Age. // Ex oriente lux. Mélanges offert en hommage du professeur Jean Blankoff. v.1. Bruxelles, 1991, p.227-243. Существует и другая дата: 1144-1148 гг. - Деничева Н.Н. О датировке памятников древнерусского зодчества во Пскове. // Краткие сообщения института археологии. 198. М., 1989, с.112-117.
9. Комеч А.И. Архитектура Новгорода XII столетия. С.299.
 10. Некрасов А.И. Очерки по истории древнерусского искусства XI-XVII века. М., 1936, с.88-89.
 11. Брунов Н.И. К вопросу о некоторых связях русской архитектуры с зодчеством южных славян. // Архитектурное наследство. Вып. 2. М., 1952, с. 27-28.
 12. Алферова Г. Ук. соч. С.23.
 13. Комеч А.И. Архитектура Новгорода XII столетия. С.300; Константинопольское происхождение предполагает и Мильчик - Milčik M. Op. cit. P.233.
 14. Комеч А.И. Древнерусское зодчество конца X - начала XII в. Византийское наследие и самостоятельные традиции. М., 1987, с.84-90; Mango C. Byzantine architecture. N.Y., 1975, p.224, 231; Reallexikon zur byzantinischen Kunst. Bd.4, Lfg.27/28. Stuttgart, 1989, S.511-513.
 15. Красовский М. Планы древнерусских храмов. Пр., 1915, с.37-38; Комеч А.И. Древнерусское зодчество... С.120-121; Reallexikon ..., S.558-561.
 16. Красовский М. Ук. соч. С.19-21; Брунов Н.И. Архитектура Византии. // Всеобщая история архитектуры. Т.3. М., 1966, с.90-91; Комеч А.И. Древнерусское зодчество. С.121-122; Reallexikon ..., ibid.
 17. Мавродинов Н. Еднокорабната и кърстовидната църква по Българските земи до края на XIV в. София, 1931, с.66-68; Комеч А.И. Древнерусское зодчество, с.125.
 18. Красовский М. Ук. соч. С.17-19; Брунов Н.И. Архитектура Византии. С.87-90.
 19. Комеч А.И. Древнерусское зодчество. С.44.
 20. Reallexikon ... Bd.2. Lfg.10. Stuttgart, 1968, S.250-251.
 21. Krautheimer R. Early Christian and byzantine architecture. Harmondsworth, 1965, p.201-213.
 22. Millet G. L'école grecque dans l'architecture byzantine. Paris, 1916, p. 55-59.
 23. Travlos I. Athenes. // Reallexikon... Bd.1. Stuttgart, 1964. S.378-383; См. также: Полевой В.М. Искусство Греции. Средние века. М., 1973, с.145-147.
 24. Брунов Н.И. К вопросу о некоторых связях... С.27-28.
 25. Асеев Ю.С. Архитектура северного Причерноморья. // Всеобщая история архитектуры. Т.3. М., 1966, с.511, рис.7.
 26. Брунов Н.И. К вопросу о некоторых связях... С.27.
 27. Комеч А.И. Архитектура. // Культура Византии. IV-первая по-

- ловина VII веков. М., 1984, с. 593; Якобсон А.Л. Архитектура. // Культура Византии. Вторая половина VII-XII в. М., 1989, с. 301
28. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес. М.-Л., 1950, с. 230-231.
29. Euyce S. L'église byzantine de Buykada, d'Amastria (Amastria de Paphlagonie) // "Belleten", v.15, 1951, octobre, №60, р. 492-496; Брунов Н.И. Архитектура Византии. С.117, рис.71.; Комеч А.И. Храм на четырех колонках и его значение в истории византийской архитектуры. // Византия. Мянне славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. М., 1973, с.69-72.
30. Якобсон А.Л. Закономерности и этапы развития архитектуры Средневекового Херсонеса. // Византийский временник. Вып.48. 1988. С.167-168.
31. Храм Кераментиджам в Фессалониках Н.И.Брунов датирует второй половиной V в. и называет Сулидже-Джами - Н.И.Брунов. Архитектура Византии. С.72, рис.38,7. Г.Мийе, опубликовавший памятник впервые, также называет его Сулидже-Джами, но датирует его средневизантийским временем и ставит в связь с храмами в Нерези, Атик-Мустафа-Джами в Константинополе и Николая в Аулии. - Millet G., op.cit., p.70-71.
32. Mango C. The monastery of St.Constantine on lake Apolyont // Dumbarton Oaks Papers. 1979. vol.33. p.229-232. Автор склонен относить храм к VI в., хотя упоминает два возможных момента, когда он мог быть сооружен: после 825 г. или до 1255 г. Развитая архитектура церкви, карнизы в основании сводов и купольные своды в боковых компартиментах говорят, по нашему мнению, за XI в. Приведенные А.Л.Якобсоном аналогии подтверждают эту дату. К.Мэнго не знает храмов типа вписанного креста с абсидами с запада и востока. Мы можем указать на церковь Караач-Теке близ Варны (X в.), в которой есть западная "контраабсида" (см. ниже).
33. Restle M. Binbirkilisse. // Reallexikon... Bd.1. S.702-703, Abb.10. Автор называет еще схожую церковь N35 в Бинбиркилиссе.
34. Маевродинов Н. Старобългарското изкуство. Изкуството на първото българско царство. София, 1959, с.167-170; Миятев К. Архитектурата в средновековна България. София, 1965, с.115; Чанева-Дечевска Н. Църковната архитектура на първата българската държава. София, 1984, с.93.
35. Krautheimer R. Early Christian and byzantine architecture, p.266-268.
36. Комеч А.И. Древнерусское зодчество..., с.86-87.
37. Чанева-Дечевска Н., цит.соч., с.154-155.
38. Там же, с.159-160.

39. Reallexikon... Bd. 2, Lfg. 16, S. 1146.
40. Ibid, S. 1169-1170.
41. Миятев К., ук. соч., с. 196; Чанева-Дечевска Н., ук. соч., с. 153-154.
42. Reallexikon... Bd. 2, Lfg. 16., S. 1163-1164.
43. Миятев К., ук. соч., с. 188-189; в XIV в. в болгарской церкви в Памаленице вместо столбов употреблены Г-образные отрезки стен, что является, конечно, архаическим приемом, но очень далеко от церкви монастыря Седем престола. См. Миятев К., ук. соч., с. 168-170.
44. Значительное распространение крестовокупольных храмов в средневизантийское время подтверждает и то, что выделенные стенами угловые компартименты встречаются даже в базиликах. См., например, собор монастыря Каридас X в. на Афоне - трехнефная трехабсидная базилика, в интерьере выделен главный неф и несколько пониженный трансепт, в угловые компартименты ведут узкие арки. - Restle M. Athos. // Reallexikon... Bd. 1, S. 398-399.
45. Мавродинов Н. Еднокорабната и кръстовидната църква..., с. 69-73.
46. Мавродинов Н. Старобългарското изкуство..., с. 198-200.
47. Миятев К., ук. соч., с. 116-119.
48. Чанева-Дечевска Н., ук. соч., с. 93-99.
49. Там же, с. 124, фиг. 84.
50. Мавродинов Н. Еднокорабната и кръстовидната църква..., с. 7-8.
51. Там же., с. 70-73.
52. Bell G. Notes on a journey through Cilicid. // "Revue archeologique". 1907, N1-2, p. 27-30, fig. 22.
53. Ramsay W., Bell G. The thousand and one churches. London, 1909, p. 36-37; Всемирная история. Т. 3. М., 1957, с. 504-506.
54. Ramsay W., Bell G., op. cit., p. 403-404, fig. 328-330.
55. Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетия) с археологической целью в 1867 г. // Известия императорского Русского археологического общества. Т. VIII. Спб., 1877, с. 362, табл. X (справа); Кузнецов В. А. Южный Зеленчукский храм // "Советская археология", 1971, N1, с. 238-244; Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977, с. 63-65; Обзор литературы по храмам Алании см.: Перфильева Л. А. К вопросу о генезисе купольных храмов Западной Алании X в. (Критический обзор литературы). // Традиции и современность. Актуальные проблемы изобразительного искусства и архитектуры. М., 1989, с. 3-16.
56. Кузнецов В. А. Зодчество..., с. 65.
57. Там же, с. 63.
58. Restle M. Binbirkilisse..., S. 702-703.

59. Ramsay W., op. cit., fig. 297.
60. ibid, p. 364, fig. 290.
61. Bell G. Notes of a journey..., p. 395-401, fig. 7.
62. Krautheimer R., op. cit., p. 193.
63. Миятев К., цит. соч., с. 185-188; Keil M. The church of Our Lady of Donja Kamenica (Dolna Kamenica) in Eastern Serbia. // Actes du XIV congrès international des études byzantines v. II. Bucarest, 1975, p. 159-166.
64. Беридзе В. Место памятников Тао-Клареджети в истории грузинской архитектуры. Тбилиси, 1981, с. 59-60. Храмы в Иси, Мухладжиглиси, Эски, Кинепоси, Чанглы, Эни-Рабати.
65. Шмерлинг Р. Купольный храм в Ниви. // Тбилиси, 1971, с. 163-190; а также Беридзе В. Ук. соч., с. 60.
66. Чубинашвили Н. Г. Архитектура Кахетии. Исследование развития архитектуры в восточной провинции Грузии в IV-XVIII в. Т. 1 (Иллюстрации). Тбилиси, 1956, т. 2 (Текст) Тбилиси, 1959, с. 407-411.
67. Кузнецов В. А. Зодчество..., с. 48-61.
68. Чубинашвили Н. Г. Разыскания по армянской архитектуре. Тбилиси, 1967, с. 65-69, табл. 20, 21 (Ком); с. 79-81, табл. 28-30 (Махмуджук).
69. Mango C. Byzantine architecture..., p. 208-227.
70. Marasovik T. Dalmatia. // Reallexikon... Bd. 1, S. 1095-1100.
71. Бошкович Д. Архитектура Сербии и Македонии. // Всеобщая история архитектуры, т. 3. М.-Л., 1966, с. 437-439. Печская патриархия, церковь Апостолов (первая половина XIII в.); Милешево (1233 г.); Морача (1252 г.).
72. Основная литература: Каргер М. К. Раскопки в Переяславле-Хмельницком в 1952-1953 гг. // "Советская археология", 1954, т. 20, с. 7-19; Он же, Памятники древнерусского зодчества в Переяславле-Хмельницком. // Зодчество Украины. Киев, 1954, с. 271-296; Ю. С. Асеев. Переяславское зодчество конца XI в. // Всеобщая история архитектуры, т. 3, Л.-М., 1966, с. 558-560; Малевская М. В., Раппопорт П. А. Церковь Михаила Архангела в Переяславле. // Зограф. Београд, 1979, с. 30-39; Раппопорт П. А. Русская архитектура X-XIII вв. Л., 1982, с. 32-38, табл. 8 на стр. 124; Он же. Зодчество Древней Руси. Л., 1986, с. 44-48; Комеч А. И. Древнерусское зодчество, с. 287-281.
73. Poppe A. Panstvo i kosciol na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968; Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X-XV вв., т. 1, М., 1970, с. 45-47; Седова М. В. Сложение местной иконографии медного литья во Владимиро-Суздальской Руси. // Древности славян и Русь. М., 1988, с. 276-277; Творогов О. В. Ефрем. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI-первая половина XIV в.) Л., 1987, с. 125-126.
74. Житие Феодосия Печерского. // Памятники литературы Древней

- Руси X-нач.XII в. М., 1978, с.324-325.
- 75.Ук. соч., с.334-335.
- 76.Творогов О.В. Ук. соч., с.125.
- 77.Житие Фердосия Печерского, с.334-335.
- 78.Полное собрание русских летописей. Т.1, вып.1. Л.,1926. Стлб.208-209; Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871,с. 146.
- 79.Малевокая М.В., Раппопорт П.А., ук. соч., с.36-37; Комеч А.И. Древнерусское зодчество, с.287.
- 80.Раппопорт П.А. Русская архитектура X-XIII вв., с.32-38.
- 81.Там же, с.36-37.
- 82.Мавродинов Н., цит. соч., с.36-37.
- 83.Комеч А.И., цит. соч., с.290-291.
- 84.Раппопорт П.А., цит. соч., с.35; Комеч А.И., цит. соч., с.290.
- 85.Каргер М.К. Раскопки в Переяславле-Хмельницком..., с.7-8.
- 86.Раппопорт П.А., цит. соч., с.38.
- 87.Там же, с.100-101, табл. 11 на с.127.
- 87а.Загорюльский Э.М. Возникновение Минска. М.,1982, с.198-202.
- 87б.Коваленко В.П. К исторической топографии Черниговского Детинца.//Проблемы археологии Южной Руси. Материалы историко-археологического семинара "Чернигов и его округа в IX-XII вв." Киев, 1990, с.20; Большаков А.Н. Метрический и композиционный анализ храма-усыпальницы на Черниговском детинце.//Историко-археологический семинар "Чернигов и его округа в IX-XIII вв." Тезисы докладов. Чернигов,1988, с.46-48.
- 88.Раппопорт П.А., ук. соч., с.35-36; табл.8 на с.124.
- 89.Повесть о Нифонте, епископе новгородском. // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып.4, СПб., 1862, с.3-4.
- 90.Творогов О.В. Нифонт. //Словарь книжников...,вып.1,с.281-282.
- 91.Штендер Г.М. Архитектура новгородской земли..., с:11.
- 92.Большаков А.Н., Раппопорт П.А. Раскопки церкви Климента в Старой Ладогe // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985, с.111-116; Штендер Г.М., ук. соч., с.11.
- 93.Седов Вл.В. Происхождение и становление..., с.10.
- 94.Там же, с.14-19.
- 95.Публикация памятника до реставрации - Головацкий Я. Об исследовании памятников русской старины, сохранившихся в Галичине и Буковине. // Труды первого археологического Съезда в Москве. 1869. М., 1871, с.227-228.
- 96.Иоаннесян О.М. Основные этапы развития галицкого зодчества.//Древнерусское искусство. Художественная культура X-первой половины XIII вв. М., 1988, с.53, илл. на с.57.

97. Могитыч И.Р. Кресчатые церкви Гуцульщины. // Архитектурное наследство. Т. 27. М., 1979, с. 103-104.
98. Логвин Г.Н., Тимошук Б.А. Белокаменный храм XII в. в Василеве. // Памятники культуры. М., 1961. Т. 3, с. 37-50. (начало XII в.); Раппопорт П.А., ук. соч., с. 111 (XII-XIII вв.); Иоаннесян О.М., ук. соч., с. 52-53. (первая треть XIII в.).
99. Седов Вл.В. Об иконографии..., с. 103, 106-112.
100. Мильчик М.И. Церковь Георгия в Старой Ладогге. // "Советская археология", 1979, вып. 2, с. 101-116; Комеч А.И. Архитектура Новгорода XII столетия, с. 300-304; Штендер Г.М. Архитектура новгородской земли, с. 11-15; Milcik M., op. cit., p. 227-243.
101. Дмитриев Ю.Н. К истории новгородской архитектуры. // Новгородский исторический сборник. Вып. 2. Новгород, 1937, с. 116-123.
102. Седов Вл.В. Об иконографии..., с. 111.
103. Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска XII-XIII веков. Л., 1979, с. 348-353.

СПИСОК

иллюстраций к статье Вл. В. Седова
«Собор Спасо-Мирожского монастыря:
иконография и происхождение типа»

Рис. 1. А — Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря в Пскове. План. Б — Церковь Климента в Ладогe. План. В — Собор Рождества Богородицы Снетогорского монастыря в Пскове. План. Г — Собор Рождества Богородицы Снетогорского монастыря в Пскове. План по хорам.

Рис. 2. А — Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря. Продольный разрез. Б — Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря. Поперечный разрез.

Рис. 3. А — Атик Джами в Стамбуле. План. Б — Атик Джами в Стамбуле. План. В — Церковь Пантелеймона в Нерези. План. Г — Церковь Пантелеймона в Нерези. Разрез. Д — Церковь Рождества Богородицы в Дрополисе. План. Е — Церковь Рождества Богородицы в Дрополисе. Продольный разрез. Ж — Церковь Рождества Богородицы в Дрополисе. Поперечный разрез.

Рис. 4. А — Храм № 29 в Херсонесе. План. Б — «Пятиабсидный храм» в Херсонесе. В — Церковь в Аполлонии. План. Г — Церковь на Буюкада близ Амастры. План. Д — Кераментим Джами. План. Е — Храм в Четдаге. План. Ж — Собор монастыря Кардис на Афоне. План. З — Собор монастыря Кардис на Афоне. Разрез. И — Церковь в Кулата. План. К — Церковь монастыря Караач-теке близ Варны. План. Л — Церковь Николая в Аулии. План.

Рис. 5. А — Церковь в Патлейне. План. Б — Церковь в Винении. План. В — Церковь Фотия в Тебене. План. Г — Церковь Георгия в Манганах в Стамбуле. План. Д — Церковь Дмитрия в Агиос. План. Е — Церковь монастыря Седем Престола. План.

Рис. 6. А — Преслав, церковь № 3 в урочище «Селище». План. Б — Преслав, церковь № 3 в урочище «Бял Бряг». План. В — Преслав, церковь в урочище «Тузлалка». План. Г — Преслав, церковь № 4 в урочище «Селище». План. Д — Преслав, церковь в урочище «Каме-наръ». План. Е — Велико Тырново, церковь № 16 на холме Трапезица. План.

Рис. 7. А — Церковь Спаса в Переяславле. План. Б — Церковь на Советской улице в Переяславле. План. В — Церковь на площади Воссоединения в Переяславле. План. Г — Церковь Михаила Архангела в Остерском городке. План. Д — Церковь в Минске. План. Е — Церковь на Детинце в Чернигове. План. Ж — Церковь Евстафия в Мираме. План. З — Церковь Амфилохия в Конии. План.

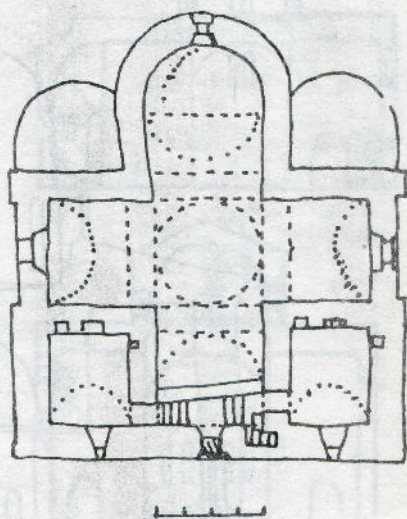
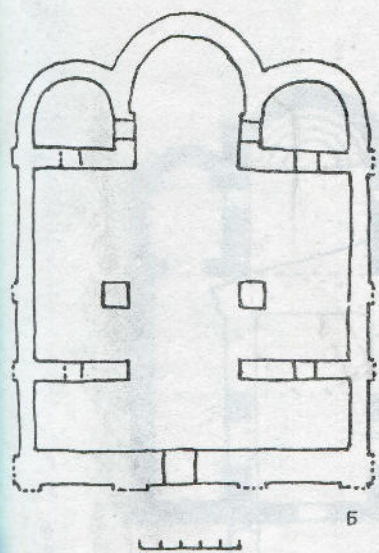
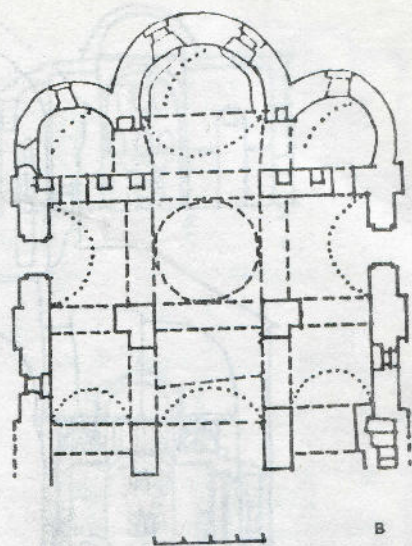
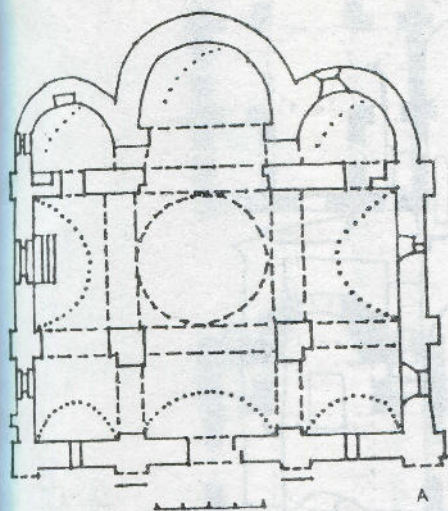
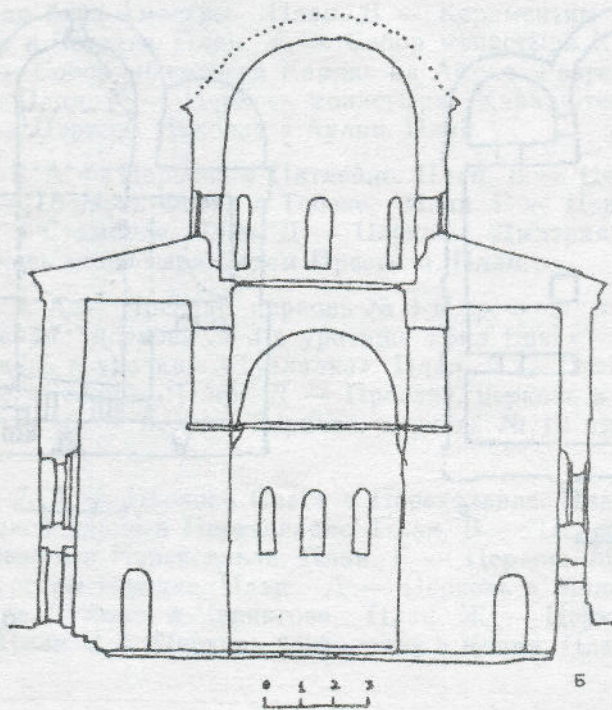
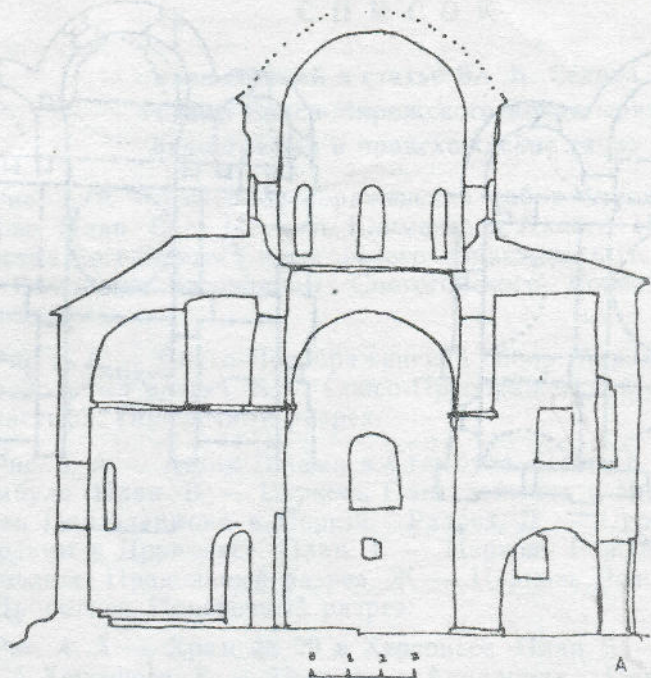

Рис. 1

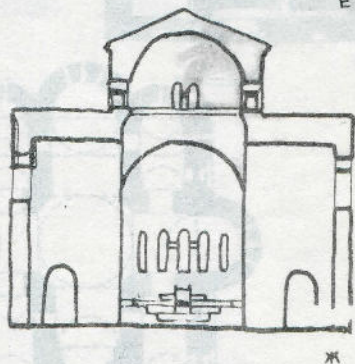
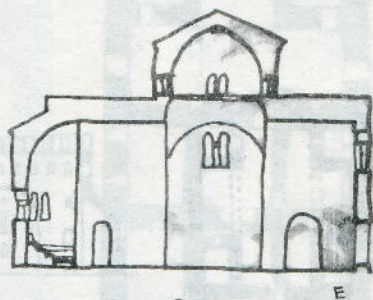
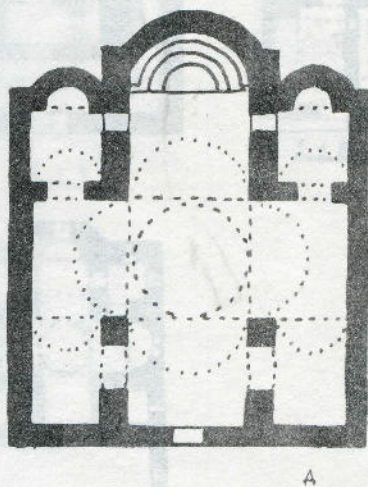
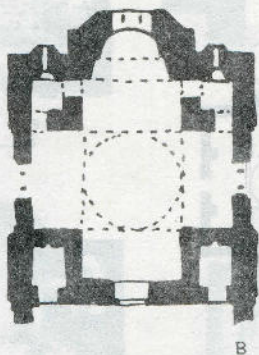
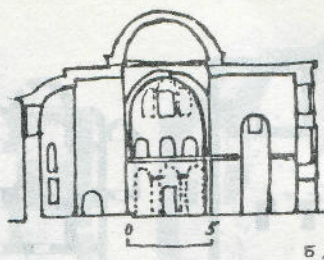
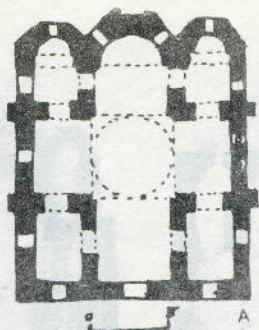
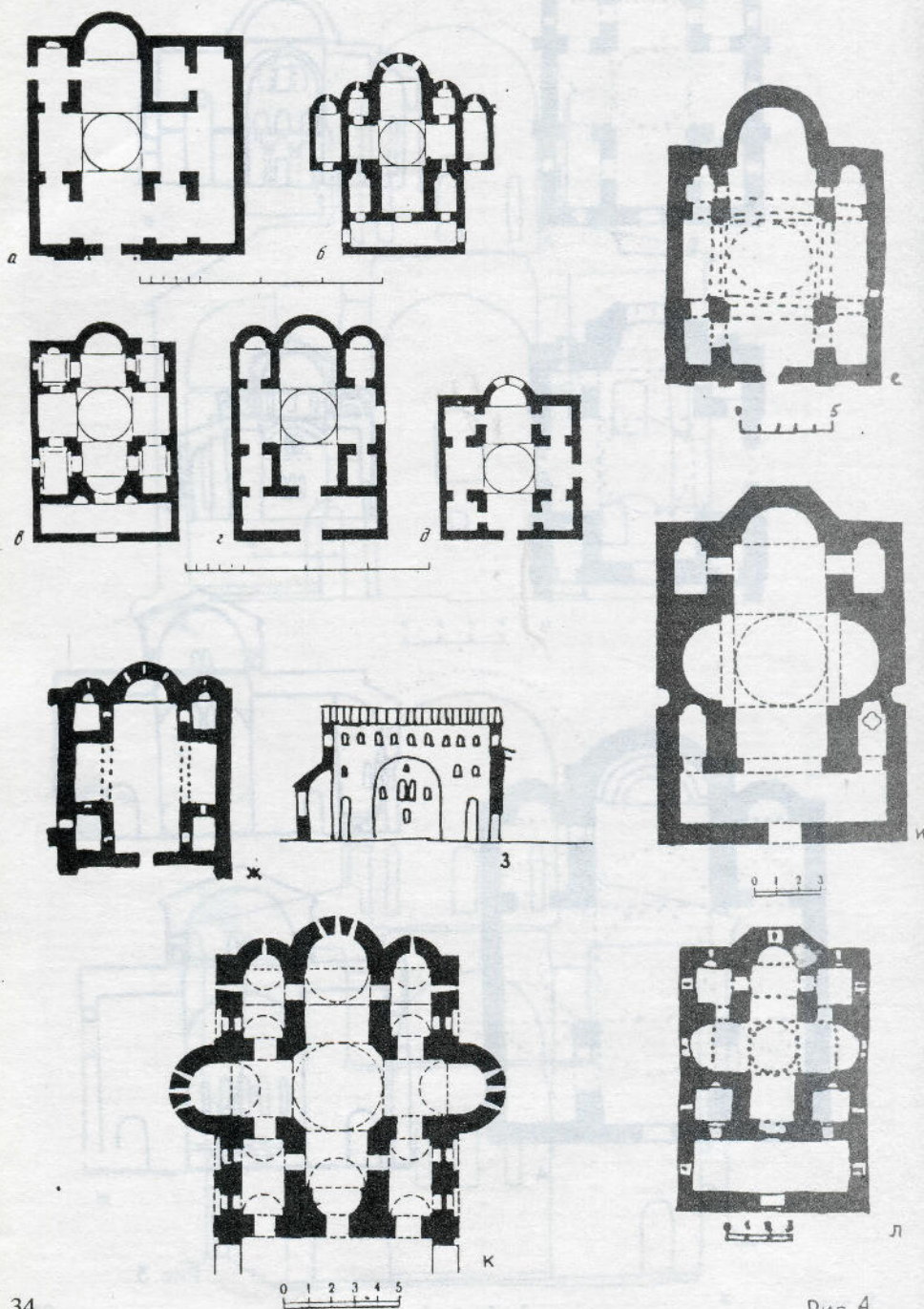

Рис. 3

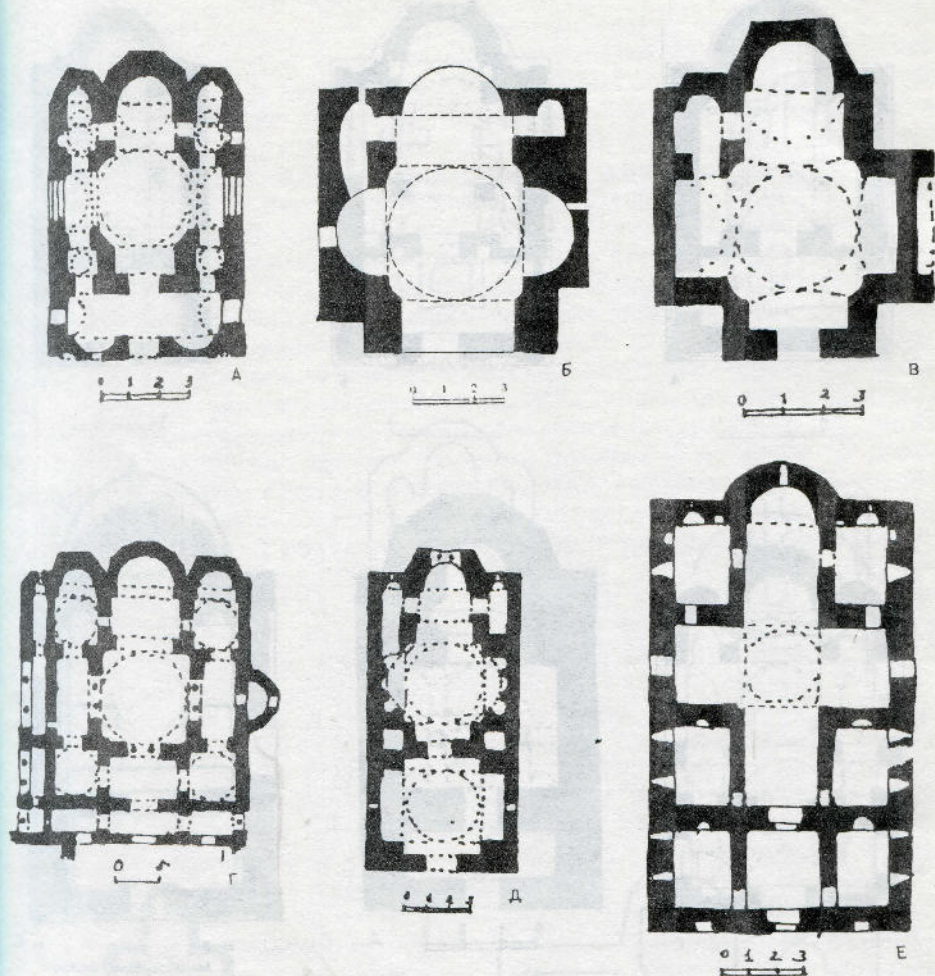
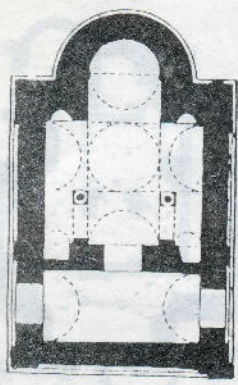
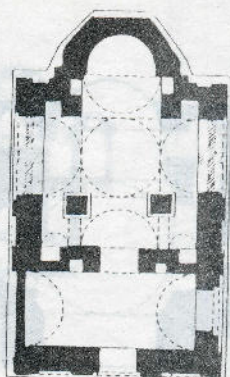

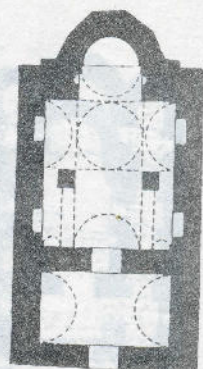
Рис. 5

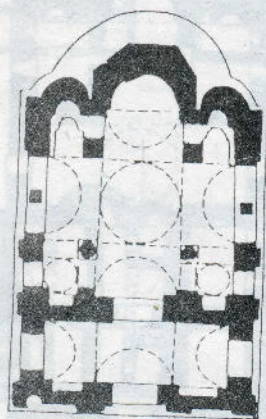
А

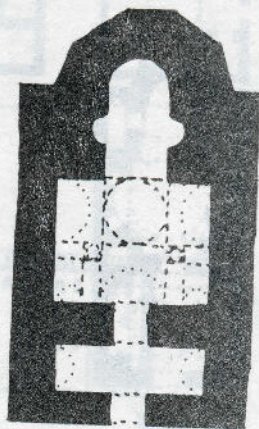
Б

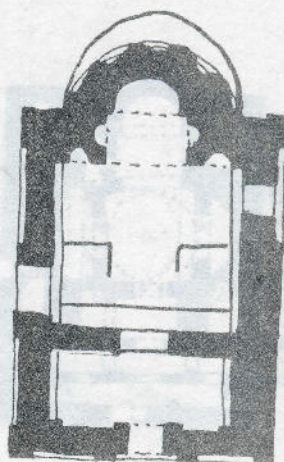
В

Г

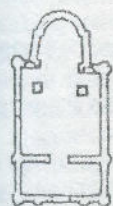

Д

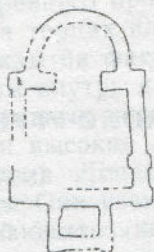

Е

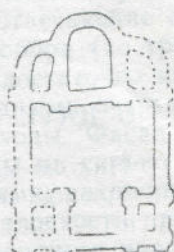

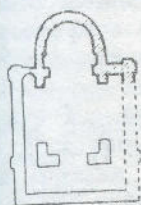
A

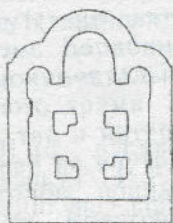
Б

B

Г

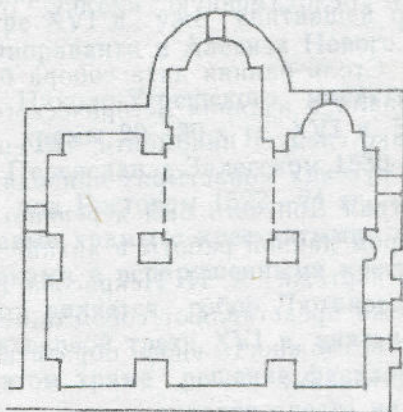
А

Е

Ж

3

